

«В ТО ВРЕМЯ Я ГОСТИЛА НА ЗЕМЛЕ...»

Анна Ахматова — это литературный псевдоним. Настоящее имя поэта — Анна Андреевна Гбренко. «Назвали меня Анной в честь бабушки Анны Егоровны Мотовиловой, ее мать была чингизидкой, татарской княжной Ахматовой, чью фамилию, не сообразив, что собираюсь стать русским поэтом, я сделала своим литературным именем», — писала она в поздней автобиографической прозе.

(Выдержки из автобиографической прозы Ахматовой мы приводим далее без указаний имени автора. В остальных цитатах автор указан в скобках. Все цитируемые в тексте статьи фрагменты приводятся в соответствии с орфографией и пунктуацией подлинника.)

В действительности прабабушка Ахматовой была не татарской княжной, а русской дворянкой, но на легенде о своих татарских корнях Ахматова настаивала и в своих стихах: «Мне от бабушки-татарки...» («Сказка о черном кольце», 1); «Татарское, дремучее...» («Имя»). Выбрать литературный псевдоним посоветовал Ане отец, когда узнал, что она пишет стихи: «Я не хочу, чтобы ты трепала мое имя».

Анна Ахматова родилась 11 (24) июня 1889 года под Одессой. Мать Ахматовой, Инна Эразмовна Стогова, умная, образованная, тонкая и чрезвычайно скромная женщина, посвятившая себя воспитанию пятерых детей, в молодости была близка к народовольцам. Но в повседневной жизни она была рассеянна и даже немного безалаберна. «У нее были черные до колен волосы, огромные сине-голубые глаза, полные ласки и неизъяснимой доброты, хорошего рисунка рот, ослепительный цвет лица и нос, форму которого унаследовали Аня и Виктор...» — сказано о ней в воспо-

минаниях невестки Ахматовой Х. В. Гóбенко, жены ее младшего брата Виктора. Отец Ахматовой, Андрей Антонович Гóбенко, отставной инженер-механик флота, бывший преподаватель паровой механики в Петербургском морском корпусе, впоследствии генерал-контролер в государственном контроле, член Совета Главноуправляющего торговым мореплаванием и, наконец, заведующий статистическим отделом Петербургского городского общественного управления, в молодые годы отличался свободомыслием, не раз вследствие политической неблагонадежности подвергался негласному наблюдению и понижению по службе. «Человек необыкновенно высокого роста, очень красивый и представительный, с большим чувством юмора, властный, любящий жизнь...» — написано о нем в тех же воспоминаниях. В других мемуарах критик и беллетристка А. В. Тыркова-Вильямс отмечала, что он «был хороший человек и очень неглупый. <...> Любил пожить. <...> Анна унаследовала от отца его важную осанку и выразительное лицо. Не было в ней его жизнерадостности. А жадность к жизни отцовская, пожалуй, и была. В нем не было и тени той поэтической сосредоточенности, которой Анна была обвееана. По какому закону наследственности из этой семьи вышла такая умница, такая оригинальная, глубоко талантливая и прелестная женщина?».

В 1890 году семья перебралась на Север: сначала на несколько месяцев в Павловск, затем — в Царское Село, где Ахматова прожила до 16 лет. «Мои первые воспоминания царскосельские». В Царском Ахматова поступила в Мариинскую гимназию, где встретила и подружилась с Валей Тюльпановой (в замужестве Срезневской), в Царском в Рождественский сочельник 24 декабря 1903 года произошло знакомство с Николаем Гумилевым, имевшее столь важное значение в жизни обоих; в Царском было написано первое (несохранившееся) стихотворение Ахматовой «Голос» (1900).

Каждое лето 1896–1903 годов Ахматова проводила в Крыму, недалеко от Севастополя, и «там подружилась с морем». А когда в 1905 году родители Ахматовой разошлись, мать с младшими детьми переехала в Евпаторию, где Ах-

матова «дома проходила курс предпоследнего класса гимназии, тосковала по Царскому Селу и писала великое множество беспомощных стихов». Свое отражение приморское детство и «херсонесская юность» нашли в первой поэме Ахматовой «У самого моря» (1914).

После Евпатории Ахматова три года жила в Киеве — окончила последний класс Фундуклеевской гимназии, начала учиться на юридическом отделении Высших женских курсов и, главное, писала стихи. В 1907 году во втором номере журнала «Сириус», издававшегося в Париже Гумилевым, появилось первое напечатанное стихотворение Ахматовой «На руке его много блестящих колец...» за подписью «Анна Г.».

В Царское Село Ахматова вернулась летом 1910 года, будучи уже женой поэта Николая Гумилева. Они обвенчались 25 апреля 1910 года в Николаевской церкви села Никольское, недалеко от Киева, и уехали на месяц в Париж. Каким же Ахматова увидела Царское Село после Парижа, завовавшего архитектурой, живописью, поэзией и новым знакомым — художником Модильяни, после пяти лет разлуки?

На землю саван тягостный возложен,
Торжественно гудят колокола,
И снова дух смятен и потревожен
Истомной скукой Царского Села.
Прошло пять лет. Здесь все мертво и немо,
Как будто мира наступил конец,
Как навсегда исчерпанная тема,
В смертельном сне покоится дворец.

«Первое возвращение»

Зима 1910/11 года была необычайно важной для Ахматовой: она училась на Высших историко-литературных курсах Раева, писала стихи, читала их на «Башне» Вяч. Иванова, печаталась в журнале «Аполлон», познакомилась с Ф. Сологубом, О. Манделштамом, М. Кузминым; за год до этого, в апреле 1910-го, прочитала корректуру «Кипарисового ларца» И. Ф. Анненского и «кое-что поняла в поэзии». А когда в Благовещенье 25 марта 1911 года вернулся из Африки Гумилев, она показала написанные в эту

зиму стихи и впервые получила его одобрение: «Ты — поэт, надо делать книгу».

Первая книга Анны Ахматовой «Вечер» вышла в марте 1912 года. Отзывы критики были благосклонны: «...к нам идет новый, молодой, но имеющий все данные стать настоящим поэтом» (М. Кузмин); «Ахматова — подлинный лирик... сразу выделилась... и благородством всего поэтического облика, и особенно искренней настроенностью голоса и смелыми приемами стихотворного мастерства...» (В. Гиппиус). Критики отметили и «оригинальность, отличность от других», и существование собственной манеры у молодого поэта, и «причудливые загадки» рядом с «лирической обнаженностью», «меткость эпитетов» наряду с «экономным расхождением поэтических средств», в которых присутствует «уверенная и искусно-легкая работа».

И уже не просто благосклонно, а восторженно была встречена вторая книга стихотворений Анны Ахматовой «Четки» (1914). Именно «Четки» сделали Ахматову знаменитой. Успех книги у читателей был огромный. Впоследствии Ахматова часто приводила слова Ф. Сологуба о том, что признать Ахматову заставили критиков читатели, однако критика и без того единодушно хвалила «глубокую искренность и правдивость, изысканность образов, вкрадчивую убедительность ритмов и певучую звучность стиха» Ахматовой, умение говорить так, что «давно знакомые слова звучат ново и остро». Уже в 1960-е годы Ахматова, составляя подборку лучших, на ее взгляд, статей о своем творчестве, указала небольшую рецензию В. Ходасевича на книгу «Четки», напечатанную в газете «Новь». Автор рецензии, сам поэт, тонко подметил особенность ранних стихотворений Ахматовой: «очаровательную интимность», «изысканную певучесть», «хрупкую тонкость», «как будто небрежность формы», притом что они «просты и немногоречивы», а «их содержание всегда шире и глубже слов, в которых оно замкнуто». Стихи первых книг Ахматовой при «вечных» темах любовной лирики поразили современников своей необычностью, особенным выражением авторских переживаний, диапазоном стихотворного языка — от классического до разговорного, песенного, даже частушечного.

«Русский символизм, — отмечал В. М. Жирмунский, — понимал поэзию в духе романтического идеализма — как интуитивное постижение таинственной сущности мира и души человека, непосредственно раскрывающееся в индивидуальном лирическом переживании поэта и выраженное в художественном слове символами, метафорическими иносказаниями и намеками...» Уже в ранних стихах Ахматовой этому были противопоставлены точность слова, жизненность сюжета, реальность переживания, «лирический реализм» (Д. Самойлов). В сравнении со стихами символистов, стремившихся прорваться сквозь покров повседневности к высокому и мистическому с их «магической», иносказательной лексикой, стихи Ахматовой удивляли своей конкретностью и «повседневностью», кажущейся простотой выражения чувства.

Незадолго до выхода «Вечера» Ахматова вошла в «Цех поэтов», члены которого, в противовес символистам, объединились под знаменем акмеизма, и к выходу «Четок» она была уже «правоверной акмеисткой». (Среди других акмеистов были Н. Гумилев, С. Городецкий, О. Мандельштам, В. Нарбут, М. Зенкевич.) Теоретическая программа акмеистов зиждилась на внимании к реальному миру, его живым, конкретным явлениям, на обращении к земному и предметному, точному значению слова. Лаконизм ранних стихов Ахматовой, внимание к простым, «сниженным» вещам, привычные сельские, городские, парковые пейзажи, множество конкретных, обыденных деталей были проявлением акмеистической доктрины ранней Ахматовой. В то время литературные установки акмеистов были наиболее близки ее собственной позиции, хотя уже в раннем периоде творчества поэзия Ахматовой не умещалась в рамки какой-либо школы.

Мало у кого из ее близких предшественников можно встретить подобные сниженные до быта описания: «протертый коврик», «стоптанные каблуки», «туфли на босу ногу», «серые сложенные бревна», «рогожа с парников», «кирпичи за оградой», «бензина запах и сирени», «на коленях в огороде», «приедете по первопутку», «на рукомойнике моем позеленела медь», «на стволе корявой ели /

муравьиное шоссе» и т. д. Вместо романтических метафор у Ахматовой, как заметил В. М. Жирмунский, сравнения, «т. е. не отождествление поэтических образов, а их сопоставление»: «Как соломинкой, пьешь мою душу...», «Высоко в небе облачко серело, / Как беличья расстеленная шкурка...», «Я живу, как кукушка в часах...», «Надо мною свод воздушный, / Словно синее стекло...», «А взгляды его — как лучи...».

Короткие, состоящие чаще всего из шести, самое большее восемнадцати строчек стихотворения Ахматовой — будто законченный рассказ о чувствах и переживаниях лирического героя. «Чувство нашло себе новое выражение, вступило в связь с вещами, событиями, сгустилось в сюжет» (Б. Эйхенбаум). Основой сюжета лирических стихотворений Ахматовой была не смена событий, а смена чувств, вызванных этими событиями. Эмоциональные переходы стали композиционным стержнем стихотворения. В качестве примера можно назвать практически каждое раннее стихотворение Ахматовой, но особенно показательны в этом отношении стихи «Молюсь оконному лучу...», «Здравствуй! Легкий шелест слышишь...», «И когда друг друга проклинали...», «Проводила друга до передней...», «В последний раз мы встретились тогда...» и др.

1912—1914 годы складывались для молодого поэта Анны Ахматовой удачно: ее приглашали на публичные выступления и поэтические вечера, где она имела большой успех, печатали в журналах и альманахах; ее рисовали художники; ей посвящали стихи поэты. Ахматова часто выступала в открывшемся 31 декабря 1911 года модном литературно-артистическом кабаре «Бродячая собака», где собирався цвет литературного, музыкального, артистического Петербурга начала 1910-х годов.

Но вскоре зазвучал не только голос любовного чувства — охватило предчувствие надвигающейся беды:

Сроки страшные близятся. Скоро
Станет тесно от свежих могил.
Ждите глада, и труса, и мора,
И затмения небесных светил.

«Июль 1914», I

В марте 1914 года вышли «Четки», в мае «петербургский сезон начал замирать, все понемногу разъезжались. На этот раз расставание с Петербургом оказалось вечным. Мы вернулись не в Петербург, а в Петроград, из 19 в. сразу попали в 20-й...». В начале лета 1914 года Ахматова уехала из Петербурга: сначала в Дарницу под Киевом, где навестила мать и сестру Юю, затем в Слепнево, где с бабушкой, матерью Н. С. Гумилева Анной Ивановной, жил маленький сын Ахматовой, Лева, родившийся 18 сентября (1 октября) 1912 года.

Загорелись иглы венчика
Вкруг безоблачного лба.
Ах! улыбчивого птенчика
Подарила мне судьба.

В Слепневе, имении Гумилевых в Бежецком уезде Тверской губернии, Ахматова проводила каждое лето 1911—1917 годов, там ею было написано в общей сложности более пятидесяти стихотворений. В Слепневе Ахматова узнала о начале Первой мировой войны. В 1965 году она вспоминала: «...51 год тому назад началась та война — как помню тот день (в Слепневе) — утром еще спокойные стихи про другое («От счастья я не исцеляю»), а вечером вся жизнь вдребезги. (Недоумевающий Лева повторял: „Баба Ана — пачет, мама — пачет, тетя Хуха — пачет“. И завьили бабы по деревне.) Это один из главных дней...» Патриотический порыв, вызванный известием об объявлении Германией войны России 19 июля (1 августа) 1914 года, казалось, был среди населения страны всеохватывающим. Кто не подлежал мобилизации, шел в армию добровольцем, женщины, в том числе представительницы высшего света и даже царской семьи, работали сестрами милосердия, организовывали санитарные дома. Ушли добровольцами на фронт Н. Гумилев и Б. Анреп (близкий друг Ахматовой в 1915—1917 годах, адресат более пятнадцати ее стихотворений) и другие дорогие ей люди. А. Блок, как вспоминала Ахматова, «ходил по женам мобилизованных для оказания им помощи».

В те дни Ахматовой было написано несколько стихотворений: «Можжевелика запах сладкий...», «Дай мне горь-

кие годы недуга...», «Утешение», «Памяти 19 июля 1914», в которых определилась ее гражданская позиция поэта и начала звучать тема родной земли.

Потрясение, равное другому, давнему — от известия о поражении русских войск при Цусиме, — вызвало воспоминания о «херсонесской юности». «Трудное время для сердца было», — писала Ахматова. К поэту, «почуввавшему железный шаг войны», пришла первая поэма — «У самого моря». «С тактом настоящего поэта она нашла тему простую и трагическую и всем истинным темам на земле родственную» (Г. Адамович). Поэма «У самого моря» была впервые напечатана в журнале «Аполлон» (1915, № 3). Вместе со стихотворениями, написанными после выхода «Четок» (1914–1917), она впоследствии составила третью книгу Ахматовой, «Белая Стая», изданную осенью 1917 года. «Три нервных узла определили ее содержание: война, Россия, любовь» (А. Крюков). В «Белой стае» традиционная любовная лирика Ахматовой стала насыщаться еще большим психологизмом. Не случайно именно после выхода третьей книги критики заговорили об истоках поэзии Ахматовой, лежащих в психологической прозе. Эта мысль высказывалась неоднократно критиками разных поколений. О. Мандельштам писал: «Ахматова принесла в русскую поэзию всю огромную сложность и психологическое богатство русского романа XIX в.». В. В. Гиппиус отмечал, что «разгадка успеха и влияния Ахматовой... в том, что эта лирика пришла на смену умершей или задремавшей форме романа». «Кроме дара музыкально-лирического, у Ахматовой дар беллетриста. Ее стихи не только песни, но и повести», — писал К. Чуковский. Об этой особенности лирики Ахматовой говорили в дальнейшем Б. М. Эйхенбаум («Поэзия Ахматовой — сложный лирический роман») и В. М. Жирмунский («...ближе по своей структуре психологические новеллы Мопассана»).

Представляющее самостоятельный законченный сюжет, стихотворение Ахматовой само являлось звеном в сюжетной цепи из нескольких стихотворений, образующих, в свою очередь, отдельные циклы, а циклы — книгу. Каждая книга Ахматовой — психологический роман, состоящий из от-

дельных главок (стихотворений, циклов), связанных общими темами и мотивами, образами и героями. Поэтому так настаивала Ахматова на сохранении книг и циклов и даже категорически запретила печатать ее стихи в хронологическом порядке. «Прошу мои стихи никогда в хронологическом порядке не печатать», — записала она 14 марта 1961 года, составляя свою последнюю книгу стихотворений «Бег времени», вышедшую только в 1965 году.

Отметим еще одну особенность творческой манеры Анны Ахматовой, проявившуюся уже в ее ранней лирике и сохранившуюся до последних стихов. Гораздо чаще, чем у других поэтов, в стихотворениях, написанных от первого лица, присутствуют обращения ко второму лицу: «Хочешь знать, как все это было...», «Пророчишь, горькая, и руки уронила...», «Ты первый, ставший у источника...», «Хорони, хорони меня, ветер...», «Мурка, не ходи, там сын...», «Здравствуй! Легкий шелест слышишь...», «Ты знаешь, я томлюсь в неволе...», «Ты письмо мое, милый, не комкай...», «Я с тобой не стану пить вино...», «А! Это снова ты...» и т. д. Такое обращение предполагает начало диалога, но диалог не состоялся, все сказанное автором остается без ответа. Подобные стихи не являются и монологами, скорее условно их можно было бы назвать односторонними диалогами, но у читателя, втянутого в круг общения автора с воображаемым собеседником, появляется уверенность в ответе, и он даже предполагает, что будет в нем содержаться. В результате создается атмосфера близости, интимности и доверительности, читатель словно присутствует при происходящем и все слышит. В дальнейшем этот прием перерастет у Ахматовой в «переговоры», «беседы» с воображаемыми отсутствующими, но живыми собеседниками, с ушедшими современниками и их тенями — тогда читатель присутствует при беседе в качестве третьего лица.

С «Белой Стаи» в любовной лирике Ахматовой все ярче проступают черты ее биографии. Если в «Вечере» и «Четках» лирический герой чаще всего придуманный, навеянный размышлениями, неконкретный образ, то начиная с «Белой Стаи», далее в «Anno Domini», произведениях 1920—1940-х, 1950—1960-х годов многие лирические сти-

хотворения имеют своего адресата, посвящены или обращены к конкретному лицу, игравшему какую-либо роль в жизни Ахматовой. Другое дело, что в связи с теми или иными событиями Ахматова могла изменить имя адресата, снять посвящение или совместить в одном стихотворении реальные черты нескольких человек. Много у Ахматовой и «спрятанных» посвящений, что дает возможность для многозначной трактовки ее стихотворений.

К 1914 году осложнились личные отношения Ахматовой с Н. С. Гумилевым. В 1913-м она познакомилась с поэтом и критиком Н. В. Недоброво, автором лучшей, как она считала, статьи о ее творчестве («...а он, может быть, и сделал Ахматову...»). В доме Недоброво в апреле 1915 года она познакомилась с художником-мозаичистом Б. Анрепом. Сначала Недоброво, затем Анреп стали адресатами шедевров любовной лирики Ахматовой, напечатанных в «Белой Стая» и следующей книге — «Подорожник» (1921). Весной 1917 года Анреп навсегда покинул Россию. На другой родине, в Англии, он помнил об Ахматовой, в 1950-е годы изобразил ее в мозаичном панно «Сострадание» для Лондонской национальной галереи. Через 48 лет после расставания они встретились в Париже во время возвращения Ахматовой с церемонии присвоения ей степени доктора литературы Оксфордского университета. А в роковом году он звал Ахматову:

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда...»
«Когда в тоске самоубийства...»

До выхода двух следующих книг, «Подорожник» и «Анно Домини MCMXXI» (1922, на титуле — «1921»), Ахматовой предстояло пережить еще немало событий. Значительнейшее из них — 25 октября (7 ноября) 1917 года:

На разведенном мосту
В день, ставший праздником ныне,
Кончилась юность моя...

Вся дальнейшая биография и творческая жизнь Ахматовой были определены этим событием. «Таким видится мне город в первые годы после Революции: Марсово Поле — (осень 1921 г.) огромный, уже разоренный, огород. Над ним тучи ворон. Остановившиеся трамваи, все люди что-то несут, и у всех одно и то же выражение лица. <...> Это призрачное существование описать почти невозможно. Сказать, что был голод и тиф, это значит ничего не сказать — это известно каждому...» Стал невыносимым быт, свершился развод с Н. С. Гумилевым, последовало замужество за В. К. Шилейко, гениальным востоковедом и трудным для совместной жизни человеком. Их отношения отражены в стихотворениях цикла «Черный сон», а сколько горького осталось не сказанным в стихах! Но Ахматова еще писала стихи, их еще печатали в периодической печати; она еще успела сделать свою пятую книгу. В пятой книге стихотворений Анны Ахматовой «Anno Domini MCMXXI» одна из главных тем — переживание гибели Н. С. Гумилева, хотя его имя прямо нигде не названо. К нему обращено или его памяти посвящено несколько лучших ахматовских стихотворений: «Заплаканная осень, как вдова...», «Тот август, как желтое пламя...», «Страх, во тьме перебирая вещи...», «Не бывать тебе в живых...», «Пока не свалюсь под забором...», «Я гибель накликала милым...». Не об этих ли стихах «Anno Domini» писатель и критик Б. Лавренев (в те годы печатавшийся под псевдонимом Б. Акмеев) сказал: «Небывалая острота напряженного переживания, глубина скорби, выходящей за пределы личности, становящейся общечеловеческой...» В годы написания «Anno Domini» было много потерь: в 1919 году в Ялте от туберкулеза скончался Н. В. Недоброво, 7 августа 1921 года умер А. А. Блок, 25 августа 1921 года был расстрелян Н. С. Гумилев, уехал за границу близкий друг Ахматовой композитор А. С. Лурье, уезжали друзья и знакомые — литераторы, художники, музыканты. Звали и Ахматову.

Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.
«Когда в тоске самоубийства...»

В этих строках, написанных в 1917 году и тогда же высоко оцененных А. Блоком, Ахматова объявила свою позицию, которой никогда в дальнейшем не изменила. Через пять лет она повторила:

А здесь, в глухом чаду пожара
Остаток юности губя,
Мы ни единого удара
Не отклонили от себя.
«Не с теми я, кто бросил землю...»

Итог этой теме, выдержав все выпавшие на ее долю удары, Ахматова подвела в 1961 году в стихотворении «Родная земля»:

В заветных ладанках не носим на груди,
О ней стихи навзрыд не сочиняем,
Наш горький сон она не берedit,
Не кажется обетованным раем.
Не делаем ее в душе своей
Предметом купли и продажи,
Хворая, бедствуя, немотствуя на ней,
О ней не вспоминаем даже.
Да, для нас это грязь на калошах,
Да, для нас это хруст на зубах.
И мы мелем, и месим, и крошим
Тот ни в чем не замешанный прах.
Но ложимся в нее и становимся ею,
Оттого и зовем так свободно — свою.

Книга «Anno Domini MCMXXI», сочетающая «потрясающий трагизм с огромным мастерством стиха» (Б. Лавренев), — вершина раннего творчества Ахматовой. Это последняя изданная книга перед «первым антрактом», как называла Ахматова последующие пятнадцать лет своего негласного отстранения от литературы. Словно предчувствуя этот «антракт», Ахматова своей книгой подвела черту под первым периодом творчества: все лучшее из творческой манеры стало основой ее поэтического стиля, лирические «узкие» любовные темы расширились до «мировых», переросли в общечеловеческие, пробы пера стали «священным ремеслом» поэта. При этом она осталась собою, Ахматовой, всегда узнаваемой, стихи которой удивляли, завораживали, за-

поминались. Новые глубокие темы, появившиеся в «Anno Domini MСMXXI» («Библейские стихи», «Эпические мотивы»), перекидывали мостик к будущему творчеству, органично вытекая из прежних стихов...

Следующая книга Ахматовой — сборник «Из шести книг» появился только через семнадцать лет, в 1940 году. О том, что пришлось пережить поэту за эти годы, мы расскажем в предисловиях к следующим изданиям произведений Анны Ахматовой в серии «Настоящая Ахматова».

Необходимо отметить, что при всем обилии изданий произведений Анны Ахматовой, существующем в настоящее время, до сих пор нет ни одного безукоризненного с точки зрения подготовки текстов и текстологии, более того, в этих многочисленных изданиях часто встречаются неидентичные тексты одних и тех же произведений. Вслед за вышедшим в 2005 году двухтомником «Победа над Судьбой» (М.: Русский путь) при подготовке данной серии мы сверяли тексты по автографам, хранящимся в государственных архивах и частных собраниях, а также по первым публикациям в периодической печати.

В текстах Ахматовой мы старались не нарушать особенностей авторского написания, исправляя только явные орфографические ошибки. При публикации большей частью сохраняется авторская пунктуация подлинников, при отсутствии автографов знаки препинания ставятся нами по последнему прижизненному изданию произведений Ахматовой — сборнику «Бег времени». Соблюдается по возможности вид записи текстов произведений: расположение строк, отступов, «лесенка», курсив, прописные и строчные буквы и т. п.

В первой и второй книгах данной серии безоговорочно сохраняется столь значимое для Ахматовой авторское расположение стихов в пределах каждой книги. В случае неоднократных переизданий книг («Четки», «Подорожник», «Anno Domini») нами берется наиболее полное и наименее подвергшееся цензуре издание, учитываются также указания автора относительно состава этих сборников. (Так, согласно неоднократным указаниям Ахматовой, сохранившим-

ся в рукописных планах, и публикации в книге «Бег времени», стихотворение «Новогодняя баллада», циклы «Библейские стихи» и «Эпические мотивы» помещены нами в книгу «Anno Domini», хотя в действительности они в ней напечатаны не были.)

Некоторые свои ранние стихотворения Ахматова не перепечатывала в последующих изданиях, скептически оценивая их художественные достоинства. Следуя воле автора, мы не стали печатать подобные стихи в составе книги (например, «Алиса»), за исключением тех, которые, на наш взгляд, по словам Н. В. Недоброво, были «казнены с излишним жестокосердием» («Горят твои ладони...», «Здесь все то же, что и прежде...», «Песня о песне»).

В разделе «Примечания» в первой и второй книгах данной серии каждому сборнику Ахматовой и наиболее значительным ее произведениям (поэмам и некоторым циклам) предпосланы краткие вступительные заметки, выдержки из рецензий и критических статей разных авторов о комментируемом сборнике или произведении, отрывки из автобиографической прозы Ахматовой, раскрывающие авторский взгляд и отношение к этим текстам. Подобные преамбулы составлены с учетом интересов читателей, которым многие редкие источники и издания могут быть недоступны.

Примечания построены по общепринятым правилам; очевидные и широко известные факты, события и даты не комментируются.

Во всех книгах серии в постраничные сноски вынесены примечания и переводы только самой Ахматовой; перевод иностранного текста, выполненный составителем, дается в примечаниях в конце каждой книги.

Наталья Крайнева

*Из книги
«Вечер»*

La fleur des vignes pousse,
Et j'ai vingt ans ce soir.

André Theuriot

Молюсь оконному лучу —
Он бледен, тонок, прям.
Сегодня я с утра молчу,
А сердце — пополам.
На рукомойнике моем
Позеленела медь.
Но так играет луч на нем,
Что весело глядеть.
Такой невинный и простой
В вечерней тишине,
Но в этой храмине пустой
Он словно праздник золотой
И утешенье мне.

3 ноября 1909
Киев

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

1

Подушка уже горяча
С обеих сторон.
Вот и вторая свеча
Гаснет, и крик ворон
Становится все слышней.

Я эту ночь не спала,
Поздно думать о сне...
Как нестерпимо бела
Штора на белом окне.
Здравствуй!

2

Тот же голос, тот же взгляд,
Те же волосы льняные.
Все как год тому назад.
Сквозь стекло лучи дневные
Известь белых стен пестрят...
Свежих лилий аромат
И слова твои простые.

1909

ЧИТАЯ «ГАМЛЕТА»

1

У кладбища направо пылил пустырь,
А за ним голубела река.
Ты сказал мне: «Ну что ж, иди в монастырь
Или замуж за дурака...»
Принцы только такое всегда говорят,
Но я эту запомнила речь, —
Пусть струится она сто веков подряд
Горностаевой мантией с плеч.

1909

Киев

И как будто по ошибке
 Я сказала: «Ты...»
 Озарилась тень улыбки
 Милые черты.
 От подобных оговорок
 Всякий вспыхнет взор...
 Я люблю тебя, как сорок
 Ласковых сестер.

1909

Киев

И когда друг друга проклинали
 В страсти, раскаленной добела,
 Оба мы еще не понимали,
 Как земля для двух людей мала,
 И что память яростная мучит,
 Пытка сильных — огненный недуг! —
 И в ночи бездонной сердце учит
 Спрашивать: о, где ушедший друг?
 А когда, сквозь волны фимиама,
 Хор гремит, ликуя и скорбя,
 Смотрят в душу строго и упрямо
 Те же неизбежные глаза.

1909

ПЕРВОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

На землю саван тягостный возложен,
Торжественно гудят колокола,
И снова дух смятен и потревожен
Истомной скукой Царского Села.
Прошло пять лет. Здесь все мертво и немо,
Как будто мира наступил конец.
Как навсегда исчерпанная тема,
В смертельном сне покоится дворец.

1910

I

ЛЮБОВЬ

То змейкой, свернувшись клубком,
У самого сердца колдует,
То целые дни голубком
На белом окошке воркует,

То в инее ярком блеснет,
Почудится в дреме левкоя...
Но верно и тайно ведет
От радости и от покоя.

Умеет так сладко рыдать
В молитве тоскующей скрипки,
И страшно ее угадать
В еще незнакомой улыбке.

24 ноября 1911
Царское Село

В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

1

По аллее проводят лошадок.
Длинные волны расчесанных грив.
О, пленительный город загадок,
Я печальна, тебя полюбив.

Странно вспомнить: душа тосковала,
Задыхалась в предсмертном бреду.
А теперь я игрушечной стала,
Как мой розовый друг какаду.

Грудь предчувствием боли не сжата,
Если хочешь, в глаза погляди.
Не люблю только час пред закатом,
Ветер с моря и слово «уйди».

*22 февраля 1911
Царское Село*

2

...А там мой мраморный двойник,
Поверженный под старым кленом,
Озерным водам отдал лик,
Внимает шорохам зеленым.

И моют светлые дожди
Его запекшуюся рану...
Холодный, белый, подожди,
Я тоже мраморною стану.

1911

3

Смуглый отрок бродил по аллеям,
У озерных грустил берегов,
И столетие мы лелеем
Еле слышный шелест шагов.

Иглы сосен густо и колко
Устилают низкие пни...

СОДЕРЖАНИЕ

«В то время я гостила на земле...». *Наталья Крайнева* . . . 5

Из книги «ВЕЧЕР»

«Молюсь оконному лучу...» 21

Два стихотворения

1. «Подушка уже горяча...» 21

2. «Тот же голос, тот же взгляд...» 22

Читая «Гамлета»

1. «У кладбища направо пылил пустырь...» 22

2. «И как будто по ошибке...» 23

«И когда друг друга проклинали...» 23

Первое возвращение 24

I

Любовь 25

В Царском Селе

1. «По аллее проводят лошадок...» 25

2. «...А там мой мраморный двойник...» 26

3. «Смуглый отрок бродил по аллеям...» 26

«И мальчик, что играет на волынке...» 27

«Любовь покоряет обманно...» 27

«Сжала руки под темной вуалью...» 28

«Память о солнце в сердце слабеет...» 28

«Высоко в небе облачко серело...» 29

«Дверь полуоткрыта...» 30

«Хочешь знать, как все это было?...» 30

Песня последней встречи 31

«Как соломинкой, пьешь мою душу...»	32
«Я сошла с ума, о мальчик странный...»	32
«Мне больше ног моих не надо...»	33

II

Обман

1. «Весенним солнцем это утро пьяно...»	34
2. «Жарко веет ветер душный...»	34
3. «Синий вечер. Ветры кротко стихли...»	35
4. «Я написала слова...»	36
«Мне с тобою пьяным весело...»	36
«Муж хлестал меня узорчатым...»	37
«Сердце к сердцу не приковано...»	38
Песенка («Я на солнечном восходе...»)	38
«Я пришла сюда, бездельница...»	39
Белой ночью	40
Под навесом темной риги жарко...»	40
«Хорони, хорони меня, ветер!..»	41
«Ты поверь, не змеиное острое жало...»	41

III

Музе	43
Вечерняя комната	44
Сероглазый король	44
Рыбак	45
Он любил...	46
«Сегодня мне письма не принесли...»	46
Надпись на неоконченном портрете	47
«Сладок запах синих виноградин...»	48
Подражание И. Ф. Анненскому	48
«Туманом легким парк наполнился...»	49
«Я живу, как кукушка в часах...»	49
Похороны	50
Сад	51
«Три раза пытаться приходила...»	51

Из книги «ЧЕТКИ»

I

Смятение

1. «Было душно от жгучего света...»	55
2. «Не любишь, не хочешь смотреть?..»	55
3. «Как велит простая учтивость..»	55
Прогулка	56
«Я не любви твоей прошу...»	56
«После ветра и мороза было...»	57
Вечером	58
«Все мы бражники здесь, блудницы...»	58
«...И на ступеньки встретить...»	59
«Безвольно пощады просят...»	60
«В последний раз мы встретились тогда...»	60
«Покорно мне воображенье...»	61
Отрывок («...И кто-то, во мраке деревьев незримый...»)	62
«„Горят твои ладони...“»	62
«Не будем пить из одного стакана...»	63
«У меня есть улыбка одна...»	64
«Настоящую нежность не спутаешь...»	64
«Проводила друга до передней...»	65
«Столько просьб у любимой всегда!..»	65
«Здравствуй! Легкий шелест слышишь...»	66

II

«Цветов и неживых вещей...»	67
«Каждый день по-новому тревожен...»	67
«Высокие своды костела...»	68
«Он длится без конца — янтарный, тяжкий день!..»	69
Голос памяти	69
«Я научилась просто, мудро жить...»	70
«Здесь все то же, то же, что и прежде...»	71
Бессонница	71
«Ты знаешь, я томлюсь в неволе...»	72
«Углем наметил на левом боку...»	73

III

«Помолись о нищей, о потерянной...»	74
«Вижу выцветший флаг над таможей...»	74
«Плотно сомкнуты губы сухие...»	75
«Дал Ты мне молодость трудную...»	75
8 ноября 1913	76
«Ты пришел меня утешить, милый...»	76
«Умирая, томлюсь о бессмертье...»	77
«Ты письмо мое, милый, не комкай...»	78
Исповедь	78
«В ремешках пенал и книги были...»	79
«Со дня Купальницы-Аграфены...»	79
«Я с тобой не стану пить вино...»	80
«Вечерние часы перед столом...»	80
«Будешь жить, не зная лиха...»	81

IV

«Как впелелась в мои темные косы...»	82
«Я пришла тебя сменить, сестра...»	82
Стихи о Петербурге	
1. «Вновь Исакий в облаченьи...»	84
2. «Сердце бьется ровно, мерно...»	84
«Знаю, знаю — снова лыжи...»	85
Венеция	85
«Протертый коврик под иконой...»	86
Гость	87
«Я пришла к поэту в гости...»	87
«Простишь ли мне эти ноябрьские дни?...»	88

Из книги «БЕЛАЯ СТАЯ»

I

«Думали: нищие мы, нету у нас ничего...»	91
«Твой белый дом и тихий сад оставлю...»	91

Уединение	92
Песня о песне	92
«Слаб голос мой, но воля не слабеет...»	93
«Был он ревнивым, тревожным и нежным...»	93
«Тяжела ты, любовная память!...»	94
«Потускнел на небе синий лак...»	95
«Вместо мудрости — опытность, пресное...»	95
«А! это снова ты. Не отроком влюбленным...»	96
«Муза ушла по дороге...»	96
«Я улыбаться перестала...»	97
«Они летят, они еще в дороге...»	97
«О, это был прохладный день...»	98
«Я так молилась: „Утоли...“»	99
«Есть в близости людей заветная черта...»	99
«Все отнято: и сила, и любовь...»	100
«Нам свежесть слов и чувства простоту...»	100
Ответ	101
«Был блаженной моей колыбелью...»	102

II

«Как ты можешь смотреть на Неву...»	103
9 декабря 1913	103
«Под крышей промерзшей пустого жилья...»	104
«Целый год ты со мной неразлучен...»	104
«Древний город словно вымер...»	105
«Черная вилась дорога...»	105
«Как люблю, как любила глядеть я...»	106
«И мнится — голос человека...»	107
Разлука	107
«Чернеет дорога приморского сада...»	108
«Господь немилостив к жнецам и садоводам...»	108
«Не в лесу мы, довольно аукать...»	109
«Все обещало мне его...»	109
«Как невеста, получаю...»	110

«Божий Ангел, зимним утром...»	110
«Ведь где-то есть простая жизнь и свет...»	111
«О тебе вспоминаю я редко...»	112
«Как площади эти обширны...»	112
Побег	113
«Когда в мрачайшей из столиц...»	114
Царскосельская статуя	115
«Все мне видится Павловск холмистый...»	116
«Вновь подарен мне дремотой...»	117
«Бессмертник сух и розов. Облака...»	117
«Подошла. Я волнения не выдал...»	118

III

Майский снег	119
«Зачем притворяешься ты...»	119
«Пустых небес прозрачное стекло...»	120
Июль 1914	
I. «Пахнет гарью. Четыре недели...»	120
II. «Можжевельника запах сладкий...»	121
«Тот голос, с тишиной великой споря...»	122
«Мы не умеем прощаться...»	122
Утешение	123
«Для того ль тебя носила...»	123
Молитва	124
«Где, высокая, твой цыганенок...»	124
«Столько раз я проклинала...»	125
«Ни в лодке, ни в телеге...»	126
«Вижу, вижу лунный лук...»	126
«Бесшумно ходили по дому...»	127
Моей сестре	128
«Так раненого журавля...»	129
«Буду тихо на погосте...»	130
«Высокомерьем дух твой помрачен...»	130
«Приду туда, и отлетит томлень...»	131

«Стал мне реже сниться, слава Богу...»	131
«Будем вместе, милый, вместе...»	132
Памяти 19 июля 1914	133

IV

«Перед весной бывают дни такие...»	134
«То пятое время года...»	134
«Выбрала сама я долю...»	135
Сон	135
Белый дом	136
«Долго шел через поля и села...»	137
«Широк и желт вечерний свет...»	138
«Я не знаю, ты жив или умер...»	138
«Нет, царевич, я не та...»	139
«Из памяти твоей я выну этот день...»	140
«Не хулил меня, не славил...»	140
«Там тень моя осталась и тоскует...»	141
«Двадцать первое. Ночь. Понедельник...»	141
«Небо мелкий дождик сеет...»	142
«Я знаю, ты моя награда...»	143
«Не тайны и не печали...»	143
Милому	144
«Судьба ли так моя переменилась...»	144
«Как белый камень в глубине колодца...»	145
«Первый луч — благословенье Бога...»	146
«Родилась я ни поздно, ни рано...»	146
«Лучше б мне частушки задорно выкликать...»	147
«Еще весна таинственная млела...»	147
«Мне не надо счастья малого...»	148
«Город сгинул, последнего дома...»	148
«О, есть неповторимые слова...»	149

V

У самого моря	150
---------------	-----

Из книги «ПОДОРОЖНИК»

«Сразу стало тихо в доме...»	161
«Ты — отступник: за остров зеленый...»	161
«Просыпаться на рассвете...»	162
«И в тайную дружбу с высоким...»	163
«Словно Ангел, возмутивший воду...»	163
«Когда о горькой гибели моей...»	164
«Пленник чужой! Мне чужого не надо...»	164
«Я спросила у кукушки...»	165
«По неделе ни слова ни с кем не скажу...»	165
«В каждом сутках есть такой...»	166
«Земная слава как дым...»	166
«Это просто, это ясно...»	167
«О нет, я не тебя любила...»	167
«Я слышу иволги всегда печальный голос...»	168
«Как страшно изменилось тело...»	169
«Я окошка не завесила...»	169
«Эта встреча никем не воспета...»	170
«И вот одна осталась я...»	170
«Чем хуже этот век предшествующих? Разве...»	171
«Теперь никто не станет слушать песен...»	172
«По твердому гребню сугроба...»	172
«Теперь прощай, столица...»	172
«Ждала его напрасно много лет...»	174
Ночью	174
«Течет река неспешно по долине...»	175
«Мурка, не ходи, там сыч...»	175
«На шее мелких четок ряд...»	176
«И целый день, своих пугаясь стонов...»	176
«Ты мог бы мне сниться и реже...»	177
«Когда в тоске самоубийства...»	177

Из книги «ANNO DOMINI MCMXXI»

I. После всего	
Петроград, 1919	181
Предсказание	181

Бежецк	182
Другой голос	
1. «Я с тобой, мой ангел, не лукавил...»	182
2. «В тот давний год, когда зажглась любовь...»	183
«Сказал, что у меня соперниц нет...»	184
«Земной отрадой сердца не томи...»	184
«Не с теми я, кто бросил землю...»	184
Черный сон	
1. «Косноязычно славивший меня...»	185
2. «Ты всегда таинственный и новый...»	186
3. «От любви твоей загадочной...»	186
4. «Прошывают льдины, звеня...»	187
5. Третий Зачатьевский	187
6. «Тебе покорной? Ты сошел с ума!...»	188
«Что ты бродишь неприкаянный...»	189
«Веет ветер лебединый...»	189
«Ангел, три года хранивший меня...»	190
«Шепчет: «Я не пожалею...»	190
«Слух чудовищный бродит по городу...»	191
«А ты теперь тяжелый и унылый...»	192
«Заболеть бы как следует, в жгучем бреду...»	192
«За озером луна остановилась...»	193
«Как мог ты, сильный и свободный...»	194
Библейские стихи	
I. Рахиль	194
II. Лотова жена	196
III. Мелхола	196
Причитание («Господеви поклонитесь...»)	197
«Вот и берег северного моря...»	198
«Хорошо здесь: и шелест, и хруст...»	199
Песенка («Бывало, я с утра молчу...»)	199
Сказка о черном кольце	
1. «Мне от бабушки-татарки...»	199
2. «Я друзьям моим сказала...»	200
3. «И, придя в свою светлицу...»	201
«Небывалая осень построила купол высокий...»	201

Эпические мотивы

I. «В то время я гостила на земле...»	202
II. «Покинув рощи родины священной...»	203
III. «Смеркается, и в небе темно-синем...»	204

II. МСМХХI

«Все расхищено, предано, продано...»	206
«Путник милый, ты далече...»	206
«Нам встречи нет. Мы в разных станах...»	207
«Сослужу тебе верную службу...»	208
«Страх, во тьме перебирая вещи...»	208
«Ты мне не обещан ни жизнью, ни Богом...»	209
«О, жизнь без завтрашнего дня!..»	209
«Кое-как удалось разлучиться...»	210
«А, ты думал — я тоже такая...»	211
«Пусть голоса органа снова грянут...»	211
«Чугунная ограда...»	212
«А Смоленская нынче именинница...»	213
«Пророчишь, горькая, и руки уронила...»	213
«Не бывать тебе в живых...»	214
«Пока не свалюсь под забором...»	214
«На пороге белом рая...»	215
«Я гибель накликала милым...»	215
«Долгим взглядом твоим истомленная...»	216
Клевета	217

III. Голос памяти

«Широко распахнуты ворота...»	218
«Почернел, искривился бревенчатый мост...»	218
«Тот август, как желтое пламя...»	219
Призрак	220

Три стихотворения

1. «Да, я любила их, те сборища ночные...»	221
2. «Соблазна не было. Соблазн в тиши живет...»	221
3. «Не оттого ль, уйдя от легкости проклятой...»	222

Колыбельная («Далеко в лесу огромном...»)	222
«Заплаканная осень, как вдова...»	223
«Буду черные грядки холить...»	223
Новогодняя баллада	224
«О, знала ль я, когда в одежде белой...»	225
Многим	225

СТИХОТВОРЕНИЯ 1904–1922 ГОДОВ, НЕ ВХОДИВШИЕ В КНИГИ

Лилии	229
«Я умею любить...»	229
«На руке его много блестящих колец...»	230
«Глаза безумные твои...»	231
«Ночь моя — бред о тебе...»	231
«В промежутки между грозами...»	232
«Я не люблю цветы — они напоминают...»	232
«Жрицами божественной бессмыслицы...»	232
«Справа Днепр, а слева клены...»	233
«Я и плакала, и каялась...»	233
«Целый день провела у окошка...»	234
«Меня покинул в новолунье...»	234
«В углу старик, похожий на барана...»	235
«Загорелись иглы венчика...»	236
«Приходи на меня посмотреть...»	236
«Я видел поле после града...»	236
«За узором дымных стекол...»	237
«В последний год, когда столица наша...»	238
«И жар по вечерам, и утром вялость...»	238
«Ты первый, ставший у источника...»	239
Завещание	239
«И в Киевском храме Премудрости Бога...»	240
«О Боже, за себя я все могу простить...»	240
«Я в этой церкви слушала Канон...»	241

«На разведенном мосту...»	241
«Я горькая и старая. Морщины...»	241
«Не чудо ли, что знали мы его...»	242
«Пива светлого наварено...»	242
«Здравствуй, Питер! Плохо, старый...»	242
«Дьявол не выдал. Мне все удалось...»	243
«Вечер тот казни достоин...»	243
Примечания. <i>Н. Крайнева</i>	245
Алфавитный указатель	291

Ахматова А.

А 95 «Двадцать первое. Ночь. Понедельник...» : стихотворения / Анна Ахматова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 320 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-04974-1

«Двадцать первое. Ночь. Понедельник...» — первая книга серии из пяти книг под названием «Настоящая Ахматова». В книгу вошли стихотворения 1909—1922 годов Анны Ахматовой, тогда еще начинавшей свое восхождение на русский поэтический Олимп.

«...К нам идет новый, молодой, но имеющий все данные стать настоящим поэт» — так отозвался на первый сборник Ахматовой «Вечер» М. Кузмин. Ему вторит В. Гишпиус: «Ахматова — подлинный лирик... сразу выделилась... и благообразием всего поэтического облика, и особенно искренней настроенностью голоса, и смелыми приемами стихотворного мастерства...» Позже О. Мандельштам скажет: «Ахматова принесла в русскую поэзию всю огромную сложность и психологическое богатство русского романа XIX в.».

Серия «Настоящая Ахматова» отличается от всех предшествующих изданий стихотворений и поэм А. Ахматовой прежде всего качеством текстологической подготовки: все тексты этой серии сверены по автографам, хранящимся в государственных архивах и частных собраниях, а также по первым публикациям в периодической печати. В книгах этой серии по возможности сохранены особенности авторского написания, сохраняется авторская пунктуация подлинников, соблюдается вид записи текстов произведений: расположение строк, отступов, «лесенка», курсив, прописные и строчные буквы и т. п.

Все книги серии снабжены вступительными статьями и примечаниями.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)1+6-5

Литературно-художественное издание

АННА АХМАТОВА

«ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ. НОЧЬ. ПОНЕДЕЛЬНИК...»

Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Александра Савастени
Корректоры Светлана Федорова, Елена Орлова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

Подписано в печать 09.08.2019.
Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная.
Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 14,1. Заказ №

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93

www.oaompk.ru
Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

Y-AKB-11838-05-R